

Протокол

Шлангенбадские беседы 13-я встреча

Новые шансы для сотрудничества: Россия и Запад после "перезагрузки"

Шлангенбад, 29 апреля – 1 мая 2010 года

Организаторы:

Филиал Фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации, Москва
Франкфуртский институт проблем мира и исследования конфликтов,
Франкфурт

в сотрудничестве с

Фондом Аденауэра в Российской Федерации, Москва
Институтом мировой экономики и международных отношений РАН
(ИМЭМО)

Составители протокола:

Анастасия Андреева
Александра Авдеенко
Анна Марченко

13-я встреча в рамках "Шлангенбадских бесед" прошла с 29 апреля по 1 мая 2010 года в привычной обстановке, но при участии нового партнера с российской стороны – Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Этот институт входит в число 50 самых авторитетных в мире центров прикладных социально-экономических и политических исследований. В то же время Шлангенбадские беседы 2010 года состоялись в период существенного изменения обстановки в мире. После кризиса августа 2008 года отношения между Россией и Западом переживают ощутимый подъем. Поэтому в центре внимания форума оказался вопрос о том, как этот подъем следует оценивать на фоне аналогичных, хотя зачастую очень кратких и неустойчивых улучшений климата, наблюдавшихся в последние годы. Значительное внимание было также уделено вопросу о том, как можно использовать эти позитивные тенденции для совместного решения таких международных проблем как распространение ядерного оружия, а также для того, чтобы избежать новых кризисов во взаимоотношениях между Россией и Западом.

Первое заседание

Общеввропейская безопасность: поиск новой архитектуры?

Существенным элементом формирования отношений между Востоком и Западом являются российские предложения о заключении *договора о европейской безопасности*, проект которого в конце ноября 2009 года был предложен президентом Медведевым. Он предусматривает проведение серии консультаций в том случае, если один из участников договора сочтет, что его безопасность находится под угрозой, или если он подвергнется вооруженному нападению. В этой связи в Шлангенбаде обсуждалась также новая стратегическая концепция НАТО, которая должна быть принята до конца 2010 года и в которой отношениям с Россией уделяется большое место.

В этой связи уместно напомнить три основных пункта подробной дискуссии на эту тему, состоявшейся в ходе 12-й встречи Шлангенбадских бесед" в 2009 году:

- 1) Принцип равной и неделимой безопасности и связанная с этим проблема "серой зоны" между Россией и НАТО.
- 2) Институциональная база европейской безопасности, которая, по мнению россиян, является однополярной, ориентированной на НАТО. Здесь возможны два решения: роспуск НАТО или вступление России в НАТО.
- 3) Отсутствие доверия и сохранение ментальности "холодной войны". При этом германская сторона предпочитает продолжать процесс укрепления доверия посредством практического сотрудничества, в то время как российская сторона склонна к принятию юридически обязывающих документов.

Свой вступительный доклад **Владимир Георгиевич Барановский** начал с двух тезисов: (1) Вопреки господствующему мнению европейская безопасность оказалась нестабильной – из-за конфликтов на Балканах и вокруг Грузии. (2) Сложилась новая реальность, требующая разработки новых превентивных мер. Не стоит, конечно, отменять солидный многолетний опыт, накопленный в сфере европейской безопасности, - считает В.Г. Барановский, - но мы сталкиваемся сейчас с новыми вызовами – такими как наркотики, кибер-преступность или нелегальная миграция, с которыми невозможно бороться традиционными методами. Здесь нужны новые форматы сотрудничества в сфере безопасности, отвечающие структуре реальных рисков и необходимых компетенций. Их надо строить не по вертикали, а в виде горизонтальных сетей.

Барановский посетовал на то, что проект договора, предложенный президентом Медведевым, пока не вызвал широкой дискуссии. Это обусловлено, по его мнению, тем, что проект декларативен, довольно далек от реальности и что выгоды, которые он может принести, неявны. Несмотря на это, такие инициативы надо не только критиковать – в них есть рациональное зерно, их надо использовать как основу для дальнейшего совершенствования.

Нынешняя позитивная динамика в отношениях между Россией и Западом – это, по мнению Барановского, явление редкое, которое необходимо эффективно использовать. Россия ведет себя очень конструктивно. Она не играет мускулами, а лишь заявляет о своих законных интересах. Завершая свое выступление, Барановский подчеркнул, что европейскую безопасность не обеспечить одним лишь договором о безопасности. Для создания устойчивой архитектуры безопасности нужен целый ряд других институциональных мер.

Ханс Фридрих фон Плётц, будучи членом экспертной группы по разработке новой стратегической концепции НАТО, рассказал о результатах этой работы накануне ее завершения. Работа этой группы показывает, что в отличие от прежних процедур на этот раз установлен гораздо более высокий уровень прозрачности.

За два десятилетия, прошедших после окончания "холодной войны", ситуация в сфере безопасности на европейском континенте кардинально улучшилась. Новые члены НАТО – такие как Польша, Чехия или страны Балтии – также отмечают, что по сравнению с 90-ми годами их положение стало значительно лучше. Конечно, это результат их вступления в НАТО и ЕС. В то же время **фон Плётц** отметил, что в этих странах по-прежнему существует размытое ощущение опасности. В этом плане НАТО прежде всего делает ставку – согласно знаменитой "формуле Хармея" 1967 года – на политическую разрядку.

Еще один характерный признак нынешней ситуации состоит в том, что явного врага больше нет. Нынешние вызовы – это ощущение опасности, неуверенность и непредсказуемость. Поэтому можно и нужно снизить значимость военного фактора в отношениях между НАТО и Россией, сделать эти отношения более предсказуемыми. Ключевое понятие здесь – "*military predictability*". Сюда относится также наращивание усилий в сфере разоружения.

Фон Плётц критически оценил восприятие НАТО в России, которое он считает неверным. Ошибочными, по его мнению, являются отождествление НАТО с США, а также формула "НАТО-центризм". Россия – это скорее необходимый и желанный партнер, как в плане обеспечения европейской безопасности, так и при решении других проблем – не обязательно военных.

В последнее время наблюдалось немало позитивных тенденций, которые, в частности, способствовали укреплению европейской безопасности: новый договор по СНВ (START), соглашение о границе между Россией и Норвегией, улучшение российско-польских отношений. Они свидетельствуют о том, что многие проблемы можно решить путем переговоров. Но правовое урегулирование должно затрагивать не только "*hard security*", но и такие темы как вступление России в ВТО или заключение договора между ЕС и Россией. В целом **фон Плётц** считает, что для прочной стабилизации отношений необходимы параллельные усилия в сфере военной и невоенной безопасности.

Александр Викторович Грушко в своем выступлении основное внимание уделил предложениям Москвы и, в частности, проекту договора о европейской безопасности, с которым выступил российский президент. Его основу составляет философия, которую можно резюмировать в четырех пунктах:

- 1) Обеспечение безопасности и ее неделимость для всех – как для членов, так и для нечленов военных организаций. Не должно быть

разных уровней безопасности. Безопасность в равной мере важна для всех государств.

- 2) Принципы, которые предстоит закрепить в договоре, действуют не только для государств, но и для международных организаций.
- 3) Новые угрозы и проблемы следует устранять и решать на новой концептуальной основе.
- 4) Оставшиеся опасения в отношении вооружений необходимо устранять на основе тесного сотрудничества.

Разумеется, такой компактный документ как договор о безопасности не может полностью перестроить европейскую архитектуру безопасности. Для этого нужны дополнительные механизмы. Поэтому Россия рассматривает работу над договором о безопасности без отрыва от сотрудничества с ЕС, ООН, НАТО, ОБСЕ и другими международными организациями.

По мнению **Грушко**, сегодня вся европейская архитектура безопасности пришла в движение, разрабатываются новые принципы и методы. Это находит свое выражение в целом ряде конкретных процессов:

"Процесс Корфу": Он развивается, с одной стороны, динамично, а с другой – противоречиво. Пока неясно, к каким результатам он приведет, хотя, в любом случае, весьма позитивным является уже то, что он пробудил интерес к контролю над вооружениями, мерам по укреплению доверия и безопасности. Одна из ключевых идей процесса Корфу состоит в том, что необходимо повышать прозрачность и активизировать обмен информацией о вооруженных силах и их мобилизации. Он дает шанс на оживление мер доверия и возобновление диалога между военными, который осуществлялся на платформе Венского документа.

Усиление роли ОБСЕ в сфере *"hard security"*. Что касается урегулирования конфликтов и кризисов, то **Грушко** выразил надежду на то, что ОБСЕ может стать важным инструментом *"мягкой силы"*.

Сотрудничество между НАТО и Россией. По мнению **Грушко**, эти отношения зависят прежде всего от характера НАТО. Так что большое значение будут иметь результаты предстоящего в ноябре 2010 года саммита НАТО. Сейчас военной угрозы для стран-членов альянса нет, то есть ключевая идея организации утратила актуальность. В то же время проблемы постмодерна и такие угрозы, как изменение климата, энергетическая и информационная безопасность, не должны стать монополией НАТО. Существующие механизмы недостаточны; процессы принятия решений непрозрачны, мнения других государств не учитываются. Если НАТО будет продолжать работать в таком режиме, это приведет не к эффективному сотрудничеству, а к соперничеству.

Грушко также посетовал на то, что на отношения между НАТО и Россией негативно влияет множество стереотипов. Он считает, что российская политика неверно воспринимается в НАТО. В действительности Россия

оказывает НАТО важную поддержку. Так, Россия сыграла ключевую роль в разрешении конфликта между Востоком и Западом в военном измерении; Россия помогла НАТО выбраться из югославского тупика; в настоящий момент Россия поддерживает НАТО в Афганистане. Российская сторона требует всего лишь равноправия, прозрачности и участия в процессе принятия натовских решений. Иначе о конструктивном сотрудничестве не может быть речи. Сотрудничество также не может опираться на принцип "что хорошо для ЕС и НАТО, то автоматически хорошо и для России". Такой подход явно устарел.

Россия считает не только сотрудничество с НАТО, но и сотрудничество в ЕС важным фактором безопасности и стабильности в европейском пространстве. В настоящий момент продолжается работа над соглашением о взаимодействии в кризисных ситуациях. Это отнюдь не чисто теоретическая задача, эта работа опирается на опыт, накопленный в результате многолетнего взаимодействия военных органов. Сюда относятся, в частности, военная операция в Боснии-Герцеговине, операция "Аталанта" против пиратства и миротворчество в Чаде. **Грушко** считает, что имеется достаточно возможностей для дальнейшего использования этого ресурса.

Рольф Мютцених также указал на значительное улучшение климата во взаимоотношениях и на его результаты. Яркое свидетельство тому – достижение договоренности между Россией и Норвегией о разграничении пространства Северного Ледовитого океана. На вопрос о том, можно ли обеспечить безопасность на договорной основе, он ответил утвердительно. Он считает, что договоры нужны – особенно такие, которые можно реализовать через суд. Поэтому он выступает за юридически обязывающие договоры на основе международного права, которые, разумеется, опираются на принципы равноправия и партнерства.

Кроме того, важны еще два аспекта: (1) Нужно не только вести дискуссии, но и действовать, причем (2) действовать совместно. Это относится, в частности, к общим интересам России и Евросоюза – например, в плане стабилизации положения на Ближнем Востоке и в отношении Ирана. Операция "Аталанта" показывает, что успешное сотрудничество возможно. **Мютцених** также поблагодарил за предложения, высказанные российской стороной, и высказал пожелание, чтобы от НАТО и ЕС в этом плане исходило больше инициатив.

Для решения общих проблем необходимо использовать потенциал институтов, уже имеющихся на пространстве от Ванкувера до Владивостока. Все необходимые ресурсы и органы уже существуют. На этой основе вполне возможна реанимация ОБСЕ. В этой связи он приветствовал тот факт, что НАТО размышляет над своей стратегической концепцией. Подобным же образом партнерам НАТО следовало бы попытаться ответить для себя на вопросы, которые стоят перед НАТО. У **Мютцениха** сложилось впечатление, что в процессе дискуссии о стратегической концепции у российской стороны возникает соблазн найти или придумать угрозы безопасности. Такая позиция ошибочна.

Мютцених не согласился с тем, что такие глобальные вызовы как кибертерроризм действительно следует отнести к сфере компетенции военного альянса НАТО. На повестке дня очень много вопросов, требующих принятия срочных мер. Поэтому нужно в максимальной мере использовать нынешнюю "хорошую погоду" во взаимоотношениях.

Елена Александровна Телегина охарактеризовала нынешнюю ситуацию в энергетическом секторе, который играет центральную роль в дебатах последних лет по вопросам безопасности. На фоне мирового экономического кризиса ситуация в этой сфере заметно ухудшилась. Спрос на энергоносители снизился на 20 процентов, энергетический ландшафт меняется. Внедряются новые технологии – например, по добыче природного газа из сланцевых пород. Основная часть этих ресурсов находится в Северной Америке, что меняет структуру американского рынка для России. Европейский бизнес "Газпрома" также сократился. Цены "Газпрома" оказались выше, чем у других производителей. Теоретически существует возможность для переориентации российского экспорта на Китай, но это был бы очень сложный маневр. Внутренний российский рынок также переживает спад.

Елена Телегина ожидает, однако, что сократившийся экспорт стабилизируется через два-три года, хотя, наверное, и не достигнет прежнего уровня. С учетом этих обстоятельств вопрос расширения инфраструктур (газопроводы "Северный поток" и "Южный поток") становится сложным. Украинский транспортный маршрут надежен и дешев, поэтому безразличие Евросоюза в отношении конфликтов в Украине и в связи с Украиной понять трудно. В нынешней ситуации следует заново определить стратегические приоритеты: обеспечение стабильности в странах транзита или строительство обходных трубопроводов. Инвестиционные риски очень высоки, поэтому здесь никак не обойтись без долгосрочных договоров.

В ходе дискуссии **Владимир Павлович Назаров** посетовал на то, что группа экспертов, в которую также входит г-н фон Плётц, во время визита в Москву вновь попыталась убедить российскую сторону в том, что расширение НАТО очень полезно для России и что наделение НАТО новыми функциями якобы укрепит безопасность России. К сожалению, реальность говорит об ином. Расширение инфраструктур НАТО вплоть до российских границ и претензия на глобальные функции альянса, напротив, представляют собой угрозу национальной безопасности России. Несмотря на неоднократные заявления о том, что НАТО не следует отождествлять с США, политический опыт свидетельствует об обратном. Можно привести немало примеров тому, как НАТО и США игнорировали российскую сторону – в частности, в Ираке, Боснии и Косово. Вне всякого сомнения, мы имеем дело с кризисом доверия. Чтобы восстановить доверие, НАТО должна предпринять серьезные шаги. Одни из таких шагов могла бы стать реформа Совета Россия-НАТО, чтобы он стал органом, в котором решения принимаются на взаимной основе.

Продолжая данную тему, **Ханс-Хеннинг Шрёдер** высказал сомнения в том, что ЕС и США обладают достаточной политической волей для того, чтобы вступить в необходимый процесс согласования позиций с Россией. Считалось, что имеющихся структур достаточно. Поэтому чтобы решить проблему европейской архитектуры безопасности, надо ответить на вопрос, в чем состоят преимущества, которые Запад получил бы в результате изменений. Важно также, насколько гибким может быть подход российской стороны. На данный момент это не ясно, но и попыток выяснить этот вопрос не предпринимается. Что касается процесса Корфу, то пока тоже не ясно, полезен ли этот форум, или же он приведет нас в тупик.

Клаус Виттманн также высказался за то, чтобы стратегическая концепция НАТО включала в себя широкое предложение по дальнейшему сотрудничеству с Россией, обставленное определенными условиями. Условия должны состоять в том, что России придется изменить определенные подходы – в свою очередь НАТО тоже придется наложить на себя некоторые ограничения.

В плане конкретного оформления отношений **Алексей Георгиевич Арбатов** предложил, чтобы вопросы безопасности на европейском континенте решались с помощью инструментов, опирающихся на сотрудничество России и ЕС. Поэтому было бы лучше, если бы урегулирование конфликтов вне Европы осуществлялось во взаимодействии с НАТО. В этом плане Афганистан – это особенно подходящий повод для такого взаимодействия, поскольку ни в одном другом месте нет столь большого совпадения взаимных интересов. В этой связи **Мютцених** указал на то, что Россия должна более четко заявить о своей заинтересованности в присутствии НАТО в Афганистане. **Гюнтер Йотце** также подчеркнул, что позиция России чрезвычайно важна для НАТО в Афганистане, так же как и в проблемной зоне Ирана, одновременно выразив сомнение в том, что НАТО обладает здесь достаточным потенциалом для решения проблем: в прошлом консультации были гораздо более интенсивными, чем сейчас. Он также сказал, что ему не понятно, какие задачи в сфере "soft power" могла бы на себя взять НАТО.

По мнению **Дмитрия Вячеславовича Сулова** политика в отношении России представляет собой единственный реальный внешнеполитический успех администрации Обамы: без России США не добиться успеха ни по Пражскому соглашению о достижении "глобального нуля", ни по Ирану, ни по Афганистану. Именно этим объясняется сдержанная позиция США в связи с актуальными событиями на постсоветском пространстве и тот факт, что прием этих стран в НАТО был снят с повестки дня. Для Сулова главный вывод состоит в том, что Россия больше не выступает в роли просителя. **Алексей Всеволодович Малашенко** подверг этот тезис сомнению. В связи с модернизационным отставанием России существуют серьезные сомнения в том, что Россию еще можно считать великой державой, ситуация на постсоветском пространстве также еще окончательно не прояснилась. Он также указал на то, что нынешний благоприятный климат во взаимоотношениях между

Востоком и Западом сильно зависит от субъективных аспектов, спросив при этом: что будет, когда Обама уйдет?

Участники дискуссии пришли к общему мнению о том, что на пути к общей архитектуре европейской безопасности пока сделаны лишь первые шаги. По-прежнему открытым остается вопрос о том, как можно обеспечить сближение России с евро-атлантическим сообществом, поскольку предпосылкой этого для России является равноправное участие в принятии всех решений альянса, ведь Россия, как подчеркнул в заключительном слове **Грушко**, никогда не станет автоматически присоединяться к решениям, принятым без нее.

В позитивном ключе было отмечено, что российские инициативы вызвали определенные подвижки: они активизировали "процесс Корфу" по реформированию ОБСЕ, улучшили сотрудничество в рамках Совета Россия-НАТО и оживили интерес к контролю над вооружениями. Но предубеждения со стороны Запада сохраняются. Генеральный секретарь НАТО высказал негативное отношение к проекту договора, в то же время германская сторона заняла более открытую позицию. В Берлине, правда, тоже исходят из того, что новый договор о безопасности должен стоять не в начале, а в конце процесса укрепления взаимного доверия. С российской стороны, в свою очередь, звучат возражения против дальнейшего усиления роли НАТО и ее превращения в ключевую структуру глобальной кооперации в сфере безопасности.

Второе заседание

Контроль над ядерными вооружениями: старые и новые риски

Новый Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений, подписанный 8 апреля 2010 года, единодушно оценивается как важная веха в укреплении взаимного доверия. Хотя этот договор не предусматривает радикального сокращения арсеналов, он является важным символом готовности к налаживанию взаимопонимания, стабилизирует режим прозрачности за счет обновления процедур верификации и открывает путь к дальнейшим мерам контроля над вооружениями.

Особое значение здесь имеют тактические ядерные вооружения в Европе: Россия располагает двумя тысячами единиц такого оружия, в то время как США разместили в Европе 200 единиц. Россия заявляет, что она – как до окончания "холодной войны" НАТО – вынуждена компенсировать свое отставание в сфере обычных вооружений и принимать превентивные меры в связи с возможными угрозами с юга.

Проблематичным является также разграничение ядерного и обычного оснащения ракет-носителей. Поэтому быстрого прогресса в данной

сфере ожидать не следует. Эти темы были в центре внимания на заседании "Шлангенбадских бесед", посвященном контролю над ядерными вооружениями.

Во вступительном выступлении **Алексей Георгиевич Арбатов** подтвердил, что новый договор СНВ действительно практически не окажет влияния на стратегические ядерные силы и поэтому оценивается по-разному. На его взгляд, он важен, в частности, потому, что открывает путь к дальнейшим переговорам. В этой связи все большее значение приобретает вопрос о том, что делать с тактическим ядерным оружием. Здесь Запад настаивает на скорейшем начале переговоров, указывая на то,

- что Россия по тактическим ядерным вооружениям намного превосходит США и НАТО, и это превосходство в результате ограничения стратегических ядерных арсеналов становится еще более явным;
- что тактические ядерные вооружения, входящие в состав обычных вооруженных сил, могут быть сразу же применены, что грозит стремительной ядерной эскалацией;
- что система хранения тактического ядерного оружия и недопущения несанкционированного доступа к нему, возможно, не так надежна, как соответствующая система хранения стратегических вооружений, что увеличивает угрозу случайного применения ядерного оружия;
- что тактическое ядерное оружие (прежде всего старые типы) на приграничных базах не так надежно защищено от хищений и злоупотреблений, поскольку оно транспортабельно и его защитные коды не столь сложны.

Россия в этом вопросе не идет на открытые переговоры, ограничиваясь требованиями о выводе американских тактических ядерных вооружений из Европы в качестве предварительного условия для диалога на эту тему. Кроме того, с расширением НАТО на восток преимущество СССР и Варшавского договора по обычным вооружениям обернулось аналогичным превосходством НАТО. Понятно, что Россия рассматривает свое тактическое ядерное оружие как компенсацию. С другой стороны, преимущество по нестратегическому ядерному арсеналу компенсирует отставание России от США по стратегическим вооружениям, которое новым договором по СНВ было лишь сглажено, но не устранено. Наконец, тактические ядерные вооружения являются противовесом по отношению к ядерным арсеналам третьих стран, в зону действия которых попадает российская территория. Ограничение стратегических ядерных вооружений за счет договора с США в определенной мере повышает значимость нестратегического оружия для сдерживания ядерных держав Евразии.

В качестве первой меры в сфере контроля над вооружениями **Арбатов** предложил передислоцировать все тактическое ядерное оружие с приграничных баз вглубь национальных территорий, сконцентрировав его

там на центральных складах. Соединенным Штатам следовало бы вывезти свои авиабомбы с шести баз в пяти странах Европы на центральные склады, расположенные на территории США. В свою очередь, России надо перевезти на центральные склады примерно 500 бомб и ракет с баз ВВС. В принципе все тактическое оружие – и ядерное, и обычное – должно храниться централизованно, поскольку там его можно было бы легче учитывать и впоследствии сокращать.

Харальд Мюллер подчеркнул в своем вступительном докладе значимость контроля над ядерными вооружениями для улучшения отношений между Востоком и Западом во времена "холодной войны". Но в конце 90-х годов США фактически похоронили контроль. Став президентом США, Обама впервые сделал полное ядерное разоружение политической программой своего правительства. Именно в этом свете следует рассматривать новый договор СНВ, который был разработан невероятно быстро – менее чем за год: это огромное достижение дипломатов и знак доброй воли. Критики справедливо отмечают, что объем сокращений по этому договору невелик. Но важнее то, что он вообще был подписан, после Буша он стал важным новым импульсом в сфере контроля над вооружениями.

Что касается тактического оружия, то **Мюллер** отметил, что нынешняя доктрина НАТО по-прежнему предусматривает его размещение в Европе. Американский журнал "New Nuclear Posture Review" пишет, что оно может быть использовано только против государств, которые также обладают таким оружием или подозреваются в этом. Размещение этого ядерного оружия в Европе – это в первую очередь политический символ. Политики в Германии требуют его вывода из Европы, но другие союзники настаивают на том, чтобы оно здесь оставалось.

С учетом большой асимметрии **Мюллер** считает, что переговоры о равновесии по тактическому ядерному оружию будут чрезвычайно сложными. Кроме того, ближайшие меры, которые предстоит осуществлять после подписания договора СНВ, должны затронуть как стратегические ядерные вооружения, так и системы ПРО, а также обычные стратегические арсеналы. Исходя из этого, **Мюллер** предложил заключить соглашение, охватывающее все ракеты-носители и боеголовки; разрабатывать специальные соглашения по отдельным типам не имеет смысла. При сокращении арсеналов до двух тысяч единиц можно предоставить каждой стороне возможность самостоятельно решать, из каких типов этот арсенал должен состоять. Самым серьезным препятствием как для ратификации нового договора СНВ, так и для контроля над вооружениями в целом он считает не столько концептуальные трудности, сколько американских правых и состав Сената после осенних выборов, который особого оптимизма не внушает.

В ходе дискуссии **Константин Иосифович Косачев** подчеркнул, что наибольшее сопротивление новый договор СНВ встречает со стороны "старой гвардии" из КПРФ, которые видят в нем предательство национальных интересов. Он указал также на различия в процессах ратификации договора в России и в США. В России существуют

определенные временные рамки: в течение пяти дней после одобрения Госдумой решение должен принять Совет Федерации, а затем в течение 15 дней свою подпись должен поставить президент. В США есть лишь две инстанции – Сенат и президент, но временного лимита нет. **Владимир Павлович Назаров** указал на то, что после длительной паузы в процессе контроля над вооружениями произошла смена поколений и что было чрезвычайно трудно найти специалистов, обладающих соответствующим опытом. В то же время он подтвердил, что между оборонным и наступательным оружием существует тесная взаимосвязь, и выразил озабоченность в связи с планами размещения американских систем ПРО в Румынии и Болгарии.

На вопрос **Хайнца Гертнера** о безъядерных зонах и мире, свободном от ядерного оружия, **Мюллер** ответил, что безъядерные зоны уже существуют в шести регионах мира. Что касается идеи "глобального нуля", он отметил, что в этой связи возникает вопрос о том, что делать с нарушителями правил. Для этого нужно оружие. Кроме того, контроль над вооружениями позволяет раньше выявлять возможные агрессивные намерения.

В своем заключительном заявлении **Арбатов** согласился с оценкой Мюллера, что за тот короткий срок, в течение которого шли переговоры по новому договору СНВ, вряд ли можно было бы достичь иных результатов. В то же время он еще раз подтвердил, что не считает договор противоречивым. Противоречивы лишь оценки экспертов. Пример тому – ограничение верификации, что в России считают успехом переговоров. Но у него это вызывает немалые сомнения, ведь вообще-то мы стремимся к большей прозрачности. В политическом плане этот договор, несомненно, важен. Госдума и Совет Федерации должны при ратификации исходить именно из этого и из национальных интересов, а не ждать американцев.

Комментируя предложение Мюллера по контролю над вооружениями, он отметил, что и в будущем придется разграничивать обычные и ядерные вооружения. Точность и эффективность обычного оружия, конечно, возросла, но все же оно не столь разрушительно, и поэтому его нельзя уравнивать с ядерными средствами. Поэтому следует сначала сокращать ядерные вооружения и лишь потом – другие. Кроме того, потенциал США и России до сих пор еще столь велик, что и крупные сокращения являются лишь первыми шагами на длительном пути.

Третье заседание

Модернизация – формы реализации, условия успеха

Вопросы модернизации сейчас широко обсуждаются в России, этой темой активно занимается президент Медведев. При этом речь идет не только о решении экономических задач и не только об опасности того, что российская экономика не выдержит глобальной конкуренции, если будет лишь поставлять сырьевые ресурсы. Не менее важны политические рамочные условия: какой политический строй обеспечивает возможность модернизации, какую роль должно играть государство и насколько велико значение прав и свобод человека? Еще одна тема – это "партнерство для модернизации". В 2008 году в Берлине была разработана новая концепция взаимовыгодного сотрудничества в таких областях как право, энергоэффективность, здравоохранение и транспорт. Недавно она была вновь рассмотрена в Брюсселе и принята на саммите Россия-ЕС в Ростове-на-Дону в виде конкретной программы.

В своем вводном выступлении **Александр Александрович Дынкин** подчеркнул, что Россия не только претендует на одну из ведущих ролей в международной политике, но и всегда осознавала себя как технологически развитую страну. Россия, однако, сильно пострадала от недавнего мирового экономического кризиса. Его последствия, в основном, преодолены, но структура российской экономики никак не изменилась. При выходе из кризиса в России ставка была сделана не на инновации, а только на стабильность. Поэтому во время кризиса Россия прибегла к протекционистским мерам.

Среди главных проблем и вызовов модернизации **Дынкин** выделил страх перед приватизацией, что ведет, в свою очередь, к недостаточной конкурентоспособности предприятий и учреждений. Необходимо также ответить на вопрос о том, как использовать ресурсную ренту для развития производства. В поддержке нуждаются прежде всего малые и средние предприятия. Придется, кроме того, решать, какой вариант промышленной политики предпочтительнее – "вертикальный", когда поддержка оказывается избранным предприятиям, или "горизонтальный", когда средства вкладываются в профессиональную подготовку людей. Необходимо также модернизировать финансовый сектор, чтобы благодаря низкой инфляции рос объем сбережений и чтобы в стране можно было наладить эффективное кредитование. Наконец, стало очевидным, что политико-административный централизм плохо сочетается с развитием высокотехнологичной экономики, так что на повестку дня выходит расширение демократии. Но в целом **Дынкин** с оптимизмом оценивает шансы на то, что лозунг "модернизация", несмотря на все недостатки, будет дольше определять политическую повестку дня, чем такие лозунги как "суверенная демократия" или "энергетическая сверхдержава".

Вольфрам Шреттль подчеркнул в своем выступлении, что для модернизации необходима не только экономическая, но и политическая конкуренция. Он напомнил о результатах исследований работающих в США экономистов Дарона Асемоглу и Альберто Алесины. Асемоглу исследовал воздействие институциональных рамочных условий на экономику, отметив их большую инерционность. Алесина, анализируя

оптимальные экономические пространства, попытался ответить на вопрос о том, в какой мере территориальный размер наций может быть результатом экономических процессов. Он пришел к выводу, что размер страны – в упрощенном изложении – является функцией внешнеторговых связей, причем для малых стран благодаря интенсивным внешним контактам характерны большая неоднородность – и инновативность.

Актуален вопрос о том, какие факторы способствуют продвижению новых технологий. Выясняется, что для этого необходимо не только физическое накопление капитала, но и наличие человеческого капитала, а также благоприятные рамочные условия. В этом плане преимущество демократии состоит в том, что – хотя здесь также допускаются ошибки – их можно институционально исправить посредством выборов. Проблема России состоит в том, что политика и бизнес слишком тесно переплетены друг с другом, что порождает коррупцию. Права собственности также не обеспечены, из-за этого предприниматели избегают долгосрочных инвестиций. Необходимая для модернизации децентрализация плохо сочетается с российскими "властными вертикалями". Должны возникнуть группы, заинтересованные в модернизации, которые ее поддерживают и стимулируют. Пока что в России такие группы обнаруживаются с трудом. Наконец, как при любой экономической реструктуризации, необходимо разрешить конфликт между модернизацией и сохранением рабочих мест.

Президент Медведев сам заявил, что "кремниевую долину" невозможно создать приказом "сверху". Но в реальности все еще преобладает приказная ментальность – например, когда определяется, что к такому-то сроку следует произвести столько-то медикаментов. Такие тексты напоминают традиционные программы – например, когда речь идет о "сложных" процессах. В такие документы проникают хорошие, желательные моменты, но четких приоритетов, ясной стратегии в них нет. То же самое относится к таким безапелляционным лозунгам как "модернизация без демократии невозможна" – практика некоторых стран показывает, что такой вариант вполне возможен. Но для демократии в России существует четко очерченная "красная линия" – это территориальная целостность. В то же время у меня складывается впечатление, что боязнь сепаратизма скорее используется для того, чтобы не допустить слишком много демократии, отметил **Шреттль**.

В отличие от Шреттля **Райнер Хартманн** подчеркнул, что хотел бы рассматривать ситуацию в России не с научной, а с практической точки зрения, и в этом разрезе ситуация выглядит намного лучше. У него сложилось впечатление, что происходит как политическая, так и экономическая модернизация. Примеры экономической модернизации – это новый автомобильный кластер в Калуге, где в 2012 году будет производиться более миллиона автомобилей "Фольксваген", "Вольво", "Ситроен", "Пежо" и "Мицубиси", или реформа рынка электроэнергии: Анатолий Чубайс приватизировал этот сектор и сумел привлечь в страну зарубежных инвесторов, которые обязались провести широкую модернизацию оборудования. Что касается политики, **Хартманн** указал на недавно начатую Медведевым реформу МВД и милиции, откуда было уволено немало сотрудников; была повышена мера уголовной

ответственности работников милиции. То же самое относится к судебным процессам по коррупционным делам.

Конечно, еще очень много нерешенных задач. Политика должна стать более гибкой и современной, способной лучше справляться со сложными социальными процессами в стране. В то же время **Хартманн** заверил, что инвесторы внимательно следят за переменами в России. И пример не только его фирмы – "EON" инвестировал в Россию от восьми до девяти миллиардов евро – свидетельствует о том, что позитивные перспективы явно перевешивают.

По мнению **Ханса-Дитера-Лукаса**, через два десятилетия после "перестройки" Россия снова оказалась на распутье: или обновление, или продолжение прежнего курса. Игорь Юргенс и "ИНСОР" считают, что продолжение курса приведет к новой "смуте". Следует подумать о том, как лучше обеспечить желаемую политическую и социальную стабильность – может быть, как раз через более активную общественную партиципацию? Что касается модернизации, то надо спросить: кто ее поддерживает и кто относится к ней скептически? Может быть, больше людей заинтересованы в сохранении статус-кво?

Европейский Союз, во всяком случае, ориентируется на медведевскую модернизацию, предлагая свои услуги в качестве партнера по модернизации. Китай и США были бы в этой роли не столь эффективными партнерами. Уже есть успешные проекты – например, в сфере транспорта и здравоохранения. Сотрудничество необходимо также в таких областях как укрепление правового государства, гармонизация стандартов и расширение контактов между организациями гражданского общества. Следует подчеркнуть, что речь идет о взаимовыгодном сотрудничестве, а не об отношениях в духе патернализма, которые, возможно, превалировали в 90-е годы.

Владимир Александрович Рыжков открыл дискуссию констатацией, что мы имеем дело уже с третьей попыткой модернизации России. Первая была предпринята в начале 90-х годов Ельциным и Гайдаром – ее результатами стали приватизация и открытость. Вторая началась в 2001 году при Путине. Ее результаты – это коррупция, энергетическая зависимость и экономическое отставание. И вот теперь третий заход, который, однако, предполагает, что сначала будут проанализированы достижения и ошибки первых двух.

На данный момент ситуация очень плохая. С тех пор как Медведев провозгласил свои четыре "и", ситуация только ухудшилась. Господин Хартманн наивно думает, что реформа МВД или борьба с коррупцией – это все серьезно. Действительно, существуют такие диктатуры как Китай и Сингапур, сумевшие пройти модернизацию. Но они при этом ориентировались на международные стандарты, такие как необходимость обеспечения прав собственности. Но российская диктатура ничего этого не сделала. Дилемма состоит в том, что проведение модернизации поручено именно тем, кто оказался бы от нее в проигрыше.

Михаэль Хармс отметил, что проблема состоит не столько в понимании, сколько в реализации. Он согласился со Шреттлем в том, что сторонники модернизации хотят сделать все одновременно и в нереальные сроки. При столь слабых институтах эти планы невозможно осуществить. Интересную перспективу могло бы открыть соревнование регионов, обладающих разными условиями. Россия, правда, могла бы осуществить модернизацию только с помощью широкого импорта западных технологий. **Хармс** согласился с Лукасом в том, что ЕС является в этом плане важным партнером. Но россияне ориентируются не на Брюссель, а скорее на Массачусетский технологический институт (MIT) и США. При этом они могли бы также многому научиться у Германии.

Эгберт Ян поддержал Шреттля в том, что сейчас – в отличие от XIX века – малым странам намного легче жить. Сейчас каждые девять месяцев рождается новое государство: в 1900 году было 51 государство, в 2000 году – уже 193 государства. В то же время существуют как малые, так и крупные государства, успешно прошедшие модернизацию.

Сославшись на Владислава Суркова, **Петер В. Шульце** подчеркнул, что в России нет национальной буржуазии промышленников и предпринимателей. Именно они являются главными агентами модернизации. В среде министерской бюрократии таких людей нет. К тому же в стране существует огромная кадровая проблема. Поэтому стратегия "trickle down" здесь не проходит. Надо начинать с муниципального уровня. Необходимо также укрепление региональных структур. Его поддержал **Алексей Всеволодович Малашенко**, назвав шизофреническим популярный слоган "консервативная модернизация", выдвинутый правящей партией России, ведь он, по сути, означает, что модернизация России не нужна. До сих пор не решено, как проводить модернизацию: то ли она должна начинаться в головах людей, то ли ее должно насаждать сверху сильное руководство.

Алексей Георгиевич Арбатов сформулировал дилемму: модернизация "снизу" ведет к хаосу, а модернизация "сверху" не работает. Законодательство, независимые суды и реальное разделение властей, на его взгляд, это такие же фундаментальные предпосылки, как гарантии и защита частной собственности. В то же время позитивные перемены в российской внешней политике внушают ему оптимизм: возможно, они приведут к внутривнутриполитическому прогрессу.

Константин Иосифович Косачев высказался против негативных характеристик России и ее политического руководства. На их политику сильно влияет негативный опыт времен перестройки, они не хотят нового распада страны. В этой связи он считает сомнительной идею децентрализации, предлагаемую в целях модернизации. Путем децентрализации можно идти лишь тогда, когда сплоченность сильнее центробежных устремлений, а в России это не так. Правление Путина никак не назовешь эпохой неудач, о чем свидетельствует хотя бы сравнение кризисов 1998 и 2008 годов. Коррупция действительно является большой проблемой на всех уровнях. Должно смениться не одно поколение, чтобы люди поверили в то, что государство их не обманывает, лишь тогда можно будет преодолеть коррупцию.

Говоря о модернизационном партнерстве между Россией и ЕС, **Александр Викторович Грушко** подчеркнул, что оно должно быть улицей с двухсторонним движением. Если ЕС хочет модернизировать Россию посредством собственных программ помощи, то ничего не получится; нужно сообща выяснить, где и как обе стороны могут достичь прогресса благодаря этому партнерству. В этой связи Россия уже давно ожидает от ЕС, чтобы он помог ей вступить в ВТО. Если сначала вступит в силу таможенный союз с Казахстаном и Беларусью, это будет намного труднее. Он также высказался в пользу отмены визового режима, поскольку это способствовало бы развитию обеих сторон.

Подводя итог заседания, следует отметить, что шансы на масштабную модернизацию России участники оценивают совершенно по-разному. С одной стороны, было высказано ожидание, что тема модернизации вытеснит такие лозунги эры Путина как "суверенная демократия" или "энергетическая сверхдержава". С другой стороны, было со скепсисом отмечено, что мы имеем дело не с проблемой понимания, а с проблемой реализации: осуществления модернизации ожидают от тех сил, которые в ней меньше всего заинтересованы. С точки зрения практиков бизнеса, однако, общая ситуация в России складывается далеко не так безысходно. Участники были единодушны в том, что необходимы гораздо более глубокий анализ и обсуждение успешного и менее успешного опыта модернизации, которая является постоянным вызовом для всех стран.

Четвертое заседание

Взрывоопасное соседство Европы – поиск кооперативного менеджмента в кризисных зонах от Балкан до Кавказа

Темой заключительного заседания встречи стали конфликты на Балканах и на Кавказе. Участники сосредоточили внимание, в частности, на тех конфликтах, где сталкиваются интересы России и Запада: Косово, Абхазия и Южная Осетия. Эти конфликты имеют разную историю и интенсивность, но их объединяет то, что обе стороны, признав независимость своих "клиентов", заняли позиции взаимной блокады. Поэтому цель заседания состояла в том, чтобы наметить пути выхода из этой блокады и обсудить возможности для реализации таких шагов.

Открывая заседание, **Хайди Тальявини** вернулась к отчету о войне между Россией и Грузией в августе 2008 года, который группа экспертов, в которую она входила, составила по поручению Европейского Союза. Интересен тот факт, что этот отчет был позитивно воспринят всеми сторонами, но в то же время его обсуждение свелось к одному-единственному вопросу: кто был виновен в развязывании войны?

Ответить на этот вопрос совсем не просто, к тому же его выяснение никак не помогает урегулировать конфликт. Его корни уходят очень глубоко, он обусловлен образами врага, которые складывались десятилетиями, на него наложили свой отпечаток национальные эгоизмы, легенды и максималистские требования. В качестве иллюстрации Тальявини привела "Семь правил национализма" Дэвида С. Пага, которые, на ее взгляд, вполне применимы к конфликту вокруг Абхазии и Грузии:

СЕМЬ ПРАВИЛ НАЦИОНАЛИЗМА

1. Если эта земля была нашей 500 лет и вашей 50 лет, она должна принадлежать нам, так как вы – просто оккупанты.
2. Если эта земля была вашей 500 лет и нашей 50 лет, она должна принадлежать нам, так как границы изменять нельзя.
3. Если эта земля была нашей 500 лет назад, а потому уже никогда не была нашей, она должна принадлежать нам, так как это колыбель нашего народа.
4. Если наши люди составляют там большинство, эта земля должна принадлежать нам, так как они должны пользоваться правом на самоопределение.
5. Если наши люди составляют там меньшинство, эта земля должна принадлежать нам, так как они должны быть защищены от вашего угнетения.
6. Все вышеозначенные правила относятся к нам, но не к вам.
7. Наша мечта о величии – это историческая необходимость, а ваша - фашизм.

(Дэвид С. Паг, Норвежский совет по делам беженцев)

В заключение она назвала три западни, которые могут надолго заблокировать разрешение конфликта: западня жертвы, западня привычки и западня изоляции. Они ведут к тому, что обе стороны приспособливаются к конфликту и отвергают все необходимые компромиссы.

Эти националистические модели поведения, считает **Бруно Шох**, видны и на Балканах и, в частности, в Косово, где мы имеем дело с классическим этно-территориальным конфликтом. В нем отразилась болезненная история взаимных этнических чисток, начавшихся еще в XIX веке: еще социалистическая Югославия поощряла масштабные выселения косоваров в Турцию. С 1974 года Косово имело двойственный юридический статус: не союзная республика, имеющая, однако, равноправное представительство на федеральном уровне, так что все же скорее провинция. Поскольку после интервенции НАТО в 1999 году, когда, несмотря на длительные усилия различных международных посредников, найти компромиссное решение не удалось, потому что и Белград, и Приштина ни на шаг не отступали от своих максимальных требований – "Косово – сербская земля и должна ею оставаться", а с другой стороны: "Косово должно стать независимым государством", ооновский посредник Марти Ахтисаари предложил в 2006 году "контролируемую независимость". Среди всех плохих решений это было,

наверное, наименее плохое. Правда, в отличие от Абхазии и Южной Осетии, уже 66 государств признали независимость Косово, но его статус от этого не стал более ясным. Об этом свидетельствует юридически довольно сумбурная деятельность таких международных организаций как KFOR, UNMIK, ICO и EULEX. В то же время интересен тот факт, что после того как в феврале 2008 года была провозглашена независимость Приштины, в регионе не наблюдалось дестабилизирующего "эффекта домино", которого многие опасались. Так что, возможно, положено начало политической стабилизации Западных Балкан.

Алексей Всеволодович Малашенко обратил внимание на заголовок заседания и поднял вопрос о том, можно ли вообще говорить о "кооперативном менеджменте" между Россией и Западом по этим вопросам и в этих регионах. С одной стороны, такого понятия нет в русском языке, так что существует лишь приблизительное понимание того, что речь идет о некоей "общей ответственности". С другой стороны, он усомнился в необходимой конвергенции интересов между Россией и ЕС, отметив при этом, что "стабильность" обе стороны трактуют по-разному. Наконец, в условиях перманентного конфликта практически невозможно организовать общий менеджмент.

Возвращаясь к проблематике войны на Кавказе, **Зураб Абашидзе** констатировал, что больше всего от этой войны проиграла Грузия. Она утратила контроль над Кодорским ущельем и территорией Южной Осетии, понесла большие экономические потери, испортила свой международный имидж, затруднив тем самым интеграцию в Европу. При этом надо отметить, что Евросоюз, направив в Грузию миссию наблюдателей, теперь оказался непосредственно вовлеченным в конфликт. Кроме того, Грузия подписала в 2009 году с США соглашение о стратегическом партнерстве. Она также получила от Запада помощь в размере четырех миллиардов долларов. Но все это не покрывает понесенных потерь, тем более что российские военные базы теперь находятся рядом с Тбилиси. Все еще велика угроза эскалации конфликта – в частности, из-за высокой концентрации оружия, ведь как говорил драматург Чехов: "Если на стене висит ружье, в последнем акте оно должно выстрелить".

Говоря о разрядке напряженности и разрешении конфликтов, **Абашидзе** отметил как позитивный момент тот факт, что после 2008 года не началась новая "холодная война". Он также приветствовал движение к многополярности, поскольку, в отличие от прежних времен, к мнению России надо прислушиваться. Что касается разрешения самого конфликта, он считает, что надо пока отложить в сторону трудно решаемые проблемы, сосредоточившись на практических вопросах – таких как торговля и гуманитарные отношения.

Карл-Георг Велльманн в своем выступлении указал на геополитическое соперничество, которое является главной проблемой при урегулировании конфликтов на территории СНГ. Провозглашенное вице-президентом США Чейни в 2007 году в Вильнюсе расширение "зоны мира" было ясным сигналом того, что США намерены расширить сферу своего влияния. В свою очередь, Россия, очевидно, не заинтересована в разрешении

"замороженных конфликтов", поскольку через них она может защищать свое влияние. На этом фоне Абхазия и Южная Осетия, на его взгляд, являются поражением российской внешней политики; в то же время не сработал ни один из имеющихся механизмов, включая Совет Россия-НАТО.

Нет сомнений в том, что Запад нуждается в России как сильном и дееспособном партнере. Он не собирается ставить Россию на колени, используя ее внутренние противоречия – об этом нет и речи. В этом смысле Германия также заинтересована в конструктивной реакции на российские предложения и инициативы – такие как предложенный Медведевым договор, занимая по этим вопросам позицию, отличную от скептической позиции некоторых союзников. Решающее значение имеет, однако, то, что доверие можно восстановить не через заключение такого договора, а благодаря конкретным, последовательным шагам.

Открывая дискуссию, **Патриция Флор** согласилась с тем, что при урегулировании конфликтов определенные темы иногда лучше сначала отложить в сторону. Так, в частности, история служит исключительно целям самооправдания, а не будущему. Всем сторонам необходимо по-новому взглянуть на вещи: надо признать, что необходимо искать компромиссы и что возможно только мирное решение. В конечном счете, речь идет не о территориях, а о формах совместного проживания. Достижению этой цели мог бы в значительной мере способствовать опыт сотрудничества в рамках ЕС, который уже дал первые позитивные результаты на Балканах. Конфликты невозможно разрешить за счет вмешательства извне, это остается задачей конфликтующих сторон. Признавая такие фундаментальные принципы, как территориальная целостность, **Флор** выступает за "статусно нейтральные" решения, причем на начальном этапе особенно важны гуманитарные вопросы, а также проекты по налаживанию контактов между людьми – в частности, молодыми.

Владимир Павлович Назаров в ходе дискуссии напомнил историю возникновения кавказских конфликтов. До 1917 года ни Абхазия, ни Южная Осетия не были частью Грузии, а Грузия после 1918 года семь раз начинала войну с этими регионами. При этом Россия не использовала Косово как прецедент, это абхазы и представители Южной Осетии копировали практически каждый шаг косоваров. Решающую роль в данном конфликте сыграл, на его взгляд, внешний фактор. Грузия стала для США объектом геополитической игры, с помощью которой американцы при Буше намеревались провести революционные преобразования во всем мире. Так, Грузии было обещано вступление в НАТО; в Грузию было поставлено огромное количество оружия, все руководящие работники грузинской армии и полиции получали жалование из США. Незадолго до начала военных действий Кондолиза Райс в ходе визита в Тбилиси заявила грузинскому руководству, что Абхазия и Южная Осетия не могут рассчитывать на военную поддержку со стороны России, тем самым практически дав ему зеленый свет. Его вывод: режиму Саакашвили не следует больше оказывать поддержку, поскольку и Россия, и ЕС в равной мере заинтересованы в стабильности на Кавказе. Он также предложил услуги России как посредника, если

представители политических кругов Германии захотят непосредственно ознакомиться с ситуацией на местах.

Константин Иосифович Косачев добавил, что "Семь правил" не относятся к России, что подтверждает, в частности, признание постсоветских государств в 1992 году. Россия также не раз указывала на взрывоопасность ситуации на Кавказе, но никакой реакции на это не последовало. Он убежден, что у России не было намерений признавать независимость Абхазии и Южной Осетии. Но война привела к тому, что России пришлось взять на себя ответственность. России не удалось убедительно разъяснить свои намерения и мотивы, но и Запад, в свою очередь, должен проанализировать свои действия и упущения.

По мнению **Эгберта Яна**, в вопросе о независимости логичный компромисс невозможен – здесь всегда сталкиваются крайние позиции. Договориться можно разве что о независимости с соблюдением определенных условий. На его взгляд, альтернатива состоит в том, что надо отталкиваться либо от норм международного права, либо от реальности. В интересах сохранения мира можно опираться только на признание реальности, потому что иначе будет война. Но взаимное признание он считает невозможным – в то время как **Герт Вайскирхен** считает это подходящим решением.

В отличие от Яна **Хайди Тальявини** настаивает на том, что конфликты следует разрешать на основе международного права. Для этого нужна многосторонняя процедура, при которой на стол легли бы все три случая с перспективой взаимного признания. В 2006 году она обратила внимание Ахтисаари, спецпосланника Генерального секретаря ООН, имея в виду Кавказ, какие риски таит в себе предлагаемый им путь урегулирования ситуации в Косово. В настоящий момент необходимо отказаться от дальнейшего вооружения региона и работать над взаимным преодолением образов врага, ведь до сих пор все споры крутятся вокруг вопроса о том, кто прав и кто виноват. **Велльманн** также считает циничным требование просто признать реальность. В то же время **Абашидзе** выразил уверенность в том, что объявятся новые кандидаты на признание независимости Абхазии и Южной Осетии.

Гюнтер Йотце в ходе дискуссии сказал, что, исходя из опыта последних лет, следует в принципе отказаться от стремления вмешиваться во все конфликты: мы должны уйти от представления, что мы должны обязательно что-то предпринять, если где-то происходит нечто ужасное. Запад должен привыкнуть к тому, что в мире происходит много несправедливого. **Хайнц Гертнер** выразил сомнение в том, что Россия подчинится принципам социализации ЕС, предположив при этом, что в результате могут сложиться две политических культуры. **Ханс Фридрих фон Плётц** напомнил о своем опыте 2002-2005 годов, когда он входил в "группу друзей" Генерального секретаря ООН, которой было поручено участвовать в урегулировании конфликта в Абхазии. Тогда четверо западных послов регулярно спрашивали друг друга, не имеет ли Россия – помимо официальных деклараций – еще какой-либо секретной повестки дня. Что касается разрешения нынешних конфликтов, то он сослался на давно известный принцип: если проблема не поддается решению, надо

расширить контекст. Пример такого подхода – Ирландия. Такие варианты надо проанализировать.

Александр Викторович Грушко подверг критике распространенные мифы, связанные с конфликтами на Кавказе, предложив открытую дискуссию на эти темы. Один из таких мифов состоит в том, что Россия хочет законсервировать конфликты, чтобы сохранить свое влияние в регионе. Это не так: Россия остановила несколько гражданских войн – как на Кавказе, так и в Центральной Азии. Еще один миф: по-настоящему работают только формулы решений, предложенные Западом. На самом деле Запад, например, совершил ошибку, заблокировав реализацию "плана Козака" по Молдавии. Он также попросил учесть, что ущерб от российских военных действий в Грузии – по сравнению, например, с натовскими бомбардировками Югославии – был минимальным. Он согласился с г-жой Тальявини в том, что разрешение конфликтов – это в первую очередь дело их непосредственных участников. Это, однако, предполагает, считает **Малашенко**, что все стороны проявят готовность к самокритичной рефлексии, без которой компромисс невозможен.

Дискуссия, состоявшаяся на этом заседании, показала, что перспективы кооперативного урегулирования конфликтов в Косово, Абхазии и Южной Осетии по-прежнему ограничены. Взаимная блокада могла бы быть устранена через взаимное признание. Но такое нарушение норм международного права во имя реализма участники дискуссии сочли маловероятным. Такие промежуточные ступени решения как контролируемый на основе консенсуса суверенитет или конфедерация также пока не просматриваются. С другой стороны, на Кавказе, например, по-прежнему высоки риски эскалации напряженности. До сих пор не преодолена также "геополитическая конкуренция". Поэтому необходимо обязать конфликтующие стороны использовать исключительно мирные средства и избегать наращивания вооружений. Исходя из того, что их конфликты не могут быть разрешены извне, они должны сосредоточить внимание на практических шагах, отодвинув на задний план исторические споры и вопрос о том, кто виноват.

Программа

Четверг, 29 апреля 2010 г.

20.00 Ужин

Пятница, 30 апреля 2010 г.

10.00 Открытие встречи организаторами

10.15 **Общая европейская безопасность: поиск новой архитектуры?**

Владимир Барановский, заместитель директора ИМЭМО РАН, Москва

Ханс-Фридрих фон Плётц, посол ФРГ в отставке, Берлин

Александр Грушко, заместитель Министра иностранных дел РФ, Москва

Рольф Мютцених, депутат Бундестага ФРГ, спикер фракции СДПГ по вопросам внешней политики, Берлин

Елена Телегина, директор Института энергетики и геополитики России, Москва

13.30 Обед

14.45 **Контроль над ядерными вооружениями: старые и новые риски**

Алексей Арбатов, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва

Харальд Мюллер, директор Франкфуртского института проблем мира и исследования конфликтов, Франкфурт

16.00 Кофе-брейк

16.45 **Модернизация: формы реализации, условия успеха**

Александр Дынкин, академик Российской академии наук, Москва

Вольфрам Шреттль, профессор политической экономики, Свободный университет, Берлин

Райнер Хартманн, глава российского представительства "Рургаз АГ", Москва

Ханс-Дитер Лукас, Уполномоченный ФРГ в Комитете по

Новые шансы для сотрудничества: Россия и Запад после "перезагрузки"

вопросам политики безопасности при ЕС, Брюссель

20.00 Ужин

Суббота, 1 мая 2010 г.

09.30 Взрывоопасное соседство Европы – поиск кооперативного менеджмента в кризисных зонах от Балкан до Кавказа

Хайди Тальявини, заместитель директора политического департамента, МИД Швейцарии, Берн

Бруно Шох, Франкфуртский институт проблем мира и исследования конфликтов, Франкфурт

Алексей Малашенко, профессор, Высшая школа экономики, Центр Карнеги в России, Москва

Зураб Абашидзе, директор Грузинского института российских исследований, Тбилиси

Карл-Георг Велльманн, депутат Бундестага ФРГ (ХДС/ХСС), заместитель председателя Парламентского собрания по взаимодействию с ОБСЕ, Берлин

13.30 Подведение итогов конференции. Обед

15.00 Кулинарная экскурсия «Русский Висбаден»

Участники

Зураб Абашидзе, директор Грузинского института российских исследований, Тбилиси

Алексей Арбатов, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва

Азер Бабаев, Франкфуртский институт проблем мира и исследования конфликтов, Франкфурт

Хусейн Багчи, профессор Средне-Восточного технического университета, Анкара, Университет имени Гумбольдта, Берлин

Владимир Георгиевич Барановский, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН, Москва

Норберт Бекманн-Диркес, зав. отделом Центральной и Восточной Европы, Фонд имени Конрада Аденауэра, Берлин

Дитер Бинген, директор Германского института по исследованию Польши, Дармштадт

Эвальд Бёльке, Группа социально-технологических исследований, компания "Даймлер АГ", Берлин

Максим Владимирович Братерский, профессор Высшей школы экономики, Москва

Маттес Бубе, зав. отделом Центральной и Восточной Европы, Фонд имени Фридриха Эберта, Берлин

Уильям Берк-Уайт, Штаб планирования, Государственный департамент, Вашингтон

Самуэль Шарап, эксперт по России и Евразии, Центр американского прогресса, Вашингтон

Александр Александрович Дынкин, академик РАН, директор Института мировой экономики и международных отношений РАН, Москва

Патриция Флор, посол, уполномоченная по делам Восточной Европы, Центральной Азии, Кавказа МИД Германии, Берлин

Хайнц Гертнер, профессор Австрийского института международной политики, Вена

Александр Грушко, заместитель Министра иностранных дел РФ, Москва

Томас Гучкер, зав. отделом внешней политики, газета "Райнишер Меркур", Бонн

Михаэль Хармс, председатель правления Российско-германской внешнеторговой палаты, глава Делегации немецкой экономики в Российской Федерации, Москва

Райнер Хартманн, глава представительства "Рургаз АГ" в Российской Федерации, Москва

Гунтер Хельманн, профессор политологии, Франкфуртский университет

Маркус Ингенлат, федеральное правление Христианско-демократического союза, зав. отделом политических программ и аналитики, Берлин

Эгберт Ян, профессор на пенсии, Мангеймский университет

Новые шансы для сотрудничества: Россия и Запад после "перезагрузки"

Гюнтер Йотце, посол в отставке, Кёнигсвинтер

Александр Калльвайт, зав. отделом международного диалога, Фонд имени Фридриха Эберта, Берлин

Маргарете Кляйн, Фонд "Наука и политика", Берлин

Ирина Яковлевна Кобринская, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, Москва

Фридеманн Колер, Дойче Прессе Агентур, Висбаден

Константин Иосифович Косачев, председатель Комитета по внешней политике Государственной Думы РФ, Москва

Райнхард Крумм, глава представительства Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации, Москва

Райнер Линднер, управляющий Восточного комитета немецкой экономики, Берлин

Владимир Георгиевич Липаев, генеральный консул Российской Федерации, Франкфурт

Ханс-Дитер Лукас, посол, Комитет по политике и безопасности, Европейский Союз, Брюссель

Алексей Всеволодович Малашенко, профессор, Высшая школа экономики, Центр Карнеги в России, Москва

Бригитте Мархер, зав. отделом Европейского Союза в Академии международной политики, Институт Реннера, Вена

Олаф Мельцер, Франкфуртский институт проблем мира и исследования конфликтов, Франкфурт

Юрген Мёперт, глава представительства "Винтерсхалл АГ" в Российской Федерации, Москва

Харальд Мюллер, директор Франкфуртского института проблем мира и исследования конфликтов, Франкфурт

Рольф Мютцених, депутат Бундестага ФРГ, спикер фракции СДПГ по вопросам внешней политики, Берлин

Владимир Павлович Назаров, заместитель Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации, Москва

Эрих Райтер, президент Международного института либеральной политики, Вена

Владимир Александрович Рыжков, профессор Высшей школы экономики, Москва

Андрей Владимирович Загорский, профессор Московского государственного института международных отношений, Москва

Манфред Заппер, главный редактор журнала "Остойропа", Берлин

Борис Ефимович Зарицкий, консул Российской Федерации, Франкфурт

Ханс-Йоахим Шмидт, Франкфуртский институт проблем мира и исследования конфликтов, Франкфурт

Бруно Шох, Франкфуртский институт проблем мира и исследования конфликтов, Франкфурт

Анна Шор-Чудновская, руководитель проекта "Восточная Европа", кафедра сравнительный исследований имущественной культуры, Частный университет имени Зигмунда Фрейда, Вена

Вольфрам Шреттль, профессор политической экономии, Свободный университет, Берлин

Ханс-Хеннинг Шрёдер, руководитель исследовательской группы, Фонд "Наука и политика", Берлин

Петер В. Шульце, профессор Университета имени Георга-Августа, Гёттинген

Ханс-Йоахим Шпангер, зав. отделом программ, Франкфуртский институт проблем мира и исследования конфликтов, Франкфурт

Констанце Штельценмюллер, руководитель Берлинского бюро Фонда Маршалла "Германия – США", Берлин

Дмитрий Вячеславович Сулов, заместитель директора Совета по внешней и оборонной политике, Высшая школа экономики, Москва

Хайди Тальявини, заместитель директора политического департамента, МИД Швейцарии, Берн

Елена Телегина, профессор Университета имени Губкина, директор Института энергетики и геополитики России, Москва

Йоханнес фон Алефельдт, референт рабочей группы по политике безопасности и обороны, фракция СДПГ в Бундестаге ФРГ, Берлин

Барбара фон Ов-Фрайтаг, референт по вопросам германо-российских отношений, Южному Кавказу и Центральной Азии, фракция ХДС/ХСС в Бундестаге ФРГ, Берлин

Новые шансы для сотрудничества: Россия и Запад после "перезагрузки"

Ханс-Фридрих фон Плётц, посол ФРГ в отставке, управляющий Фонда российско-германского молодежного обмена, Берлин

Штефани Вайс, руководитель Брюссельского проектного бюро Фонда имени Бертельсмана, Брюссель

Герт Вайскирхен, бывший депутат Бундестага ФРГ, Вислох

Рольф Вельбертс, зав. отделом политики безопасности в штаб-квартире НАТО, Брюссель

Карл-Георг Велльманн, депутат Бундестага ФРГ от ХДС, заместитель председателя германской делегации в Парламентской ассамблее ОБСЕ, Берлин

Андреас Виттковски, ведущий аналитик, Берлин

Клаус Виттманн, бригадный генерал в отставке, Берлин

Переводчики

Валерий Кузавлев
Сергей Виноградов

Ассистенты

Анастасия Андреева
Александра Авдеенко
Виктор Франк
Анна Марченко
Аника Попе

Координатор проекта в России

Мария Усачева, Фонд Фридриха Эберта в РФ, Москва

Наблюдатели

Бабетте Кнауэр, Франкфуртский институт проблем мира и исследования конфликтов
Александр Соловьев, Франкфуртский университет
Кристиан Вебер, Франкфуртский университет